

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА НЕБА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. З. ШАШКИНА

Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан)
gulzhan-zein@mail.ru

В статье исследуются типовые учебные программы средней школы и учебники «нового поколения» по русской литературе в Республике Казахстан. При изучении темы «Художественная картина неба в литературе» важное место занимает распределение учебного материала, способствующего коммуникативной направленности в обучении. При выборе художественных текстов предлагается определенная последовательность, благодаря которой при ознакомлении с произведениями учащиеся могут проследить трансформацию поэтического мышления литературного процесса и динамику расширения изобразительно-выразительных средств авторов.

Ключевые слова: миф, фольклор, художественная литература, историко-хронологическое изучение русской литературы.

После обретения Казахстаном независимости в 1991 г. перед республикой встал вопрос о создании собственных национальных учебников. Типовые учебные программы для средней школы и так называемые «учебники нового поколения» были созданы по всем школьным предметам в конце 1990 – начале 2000 гг. Была разработана оригинальная программа и по предмету «Русская литература» для школ с русским языком обучения, которая постепенно погружала обучающихся в мир художественной литературы [1, 2]. С 5 по 7 класс школьники знакомились с тремя словесными системами – мифом, фольклором и художественной литературой, которая представляет собой индивидуально-авторское творчество. Начиная с 8 класса вводилось историко-хронологическое

изучение русской литературы: 8 класс «Периоды и стили» акцентировал внимание на древнерусском этапе изучения литературы и литературы XVIII века, русская классическая литература XIX века изучалась в 9 и 10 классах, а литература XX века – в 11 классе.

В 7 классе «Мир художественной литературы» была включена тема «Художественная картина неба в литературе» [1]. Разнообразные художественные произведения, предложенные в этой теме, можно распределить в следующей последовательности:

1. Картина неба в мифологии, фольклоре и литературе: стихотворения И.С. Никитина, О.Э. Мандельштама, Н.М. Бараташвили, фрагменты из рассказа З.Н. Гиппиус «Небесные слова»;

2. Небесные светила: солнце (стихотворения А.С. Пушкина, И.А. Бунина, А.Белого, рассказ А.С. Грина «Пропавшее солнце»);

3. Небесные светила: луна / месяц (стихотворения А.С. Пушкина, М.А. Кузмина, В.В. Маяковского),

4. Небесные светила: звезды (стихотворения А.А. Фета, А.А. Григорьева, Н.М. Рубцова, А.А. Вознесенского).

Что же заставляло поэтов смотреть вверх, обращая внимание на бесконечность и бездонность неба, описывая его сверкающую голубизну или величественную и торжественную темноту космоса? Что-то притягательное, волнующее и загадочное было для человека всегда в небесной глади.

Древние люди населяли небо могущественными и всесильными богами, таким образом объясняя для себя происхождение мира и человечества. Мифологическое представление о вселенной отличается от способа видения и описания мира в устном народном творчестве и письменной литературе. Различия между тремя словесными системами наглядно демонстрируются нижеследующей таблицей:

Сравниваемые категории	Миф	Фольклор	Литература
Форма	Устная	Устная	Письменная

Бытования			
Вид искусства	Синтетическое искусство	Синтетическое искусство	Искусство слова
Автор	Коллективный	Коллективный	Индивидуальный
Текст	Тексты в «чистом» виде почти не сохранились, существуют в пересказах	Текст вариативен, подвижен, может носить диалектный характер	Текст каноничен (не допускается произвольное внесение изменений)
Время создания	Время создания определить невозможно; по отдельным признакам можно установить время бытования	Время создания определяется примерно, с помощью отдельных признаков исторического характера	Время создания или известно, или определяется с высокой степенью точности по приметам времени в тексте
Тема	Повествует о деяниях богов и героев	Повествует о волшебных или бытовых приключениях людей «благородного» (Иван-Царевич) или «низкого» (Иван – Крестьянский сын) происхождения, а также о животных	Темы многообразны, повествование может быть о ком и о чем угодно
Образы-персонажи	Образы богов и героев идеальны (прекрасны, сильны и т.д.)	Образ героя предельно типичен, лишен психологичности и индивидуальности	Образ героя предельно индивидуализирован
Функции	Объяснение происхождения мира и человечества	Социально-бытовое осмысление действительности	Эстетическое наслаждение искусством слова
Принципы	Скупость и ла-	Поэтика тради-	Поэтика опре-

изображения	коничность изобразительно- выразительных средств, моралистичность	ционна, исполь- зуется огра- ниченный набор изобразительно- выразительных средств	деляется свое- образием инди- видуальной творческой манеры автора
-------------	---	--	---

Рассмотрим произведения И.С. Никитина, О.Э. Мандельштама и Н.М. Бараташвили в замечательном переводе Б.Л. Пастернака, а также фрагменты из рассказа З.Н. Гиппиус «Небесные слова» исходя из времени написания и их знакомства с русскоязычным читателем. Тогда логика исследования будет следующей: «Небо» Никитина (1849-1853), «Небесные слова» Гиппиус (1901), «О небо, небо...» Мандельштама (1911), «Цвет небесный, синий цвет...» Бараташвили (1845, перевод Пастернака – в октябре 1945).

В стихотворении «Небо» И. Никитина прослеживается религиозно-мифологическое осмысление картины бытия. Поэт размышляет о первопричине возникновения вселенной и приходит к выводу о том, что к этому была приложена рука Творца:

Чья мощная сила
Вращает их чудно
В таинственной сфере?

И кто бытия их
Всесильный виновник?

Не ясно ль я вижу
Печать дивной силы
На всем, что доступно
Уму человека. [3, с. 46-47]

При этом, надо заметить, в произведении запечатлены мысли и думы человека, владеющего достижениями современной науки, привыкшего ставить проблему, подвергать все анализу, вглядываясь в суть вещей:

Когда и откуда
Тела их начало

Свое получили?
Какие в составе
Их тел неизвестных
Основую жизни
Положены части? [3, с. 46]

Проза Гиппиус составляет 6 сборников рассказов и роман-трилогию («Чертова кукла», «Очарование истины» и «Роман-царевич»). Рассказ «Небесные слова» вошел в четвертый сборник рассказов «Алый меч» (1906 г.). З.Н. Гиппиус в своем рассказе отвергает подобный взгляд на небо как на «задернутую голубую занавеску, которая сама по себе не важна, а только скрывает от них важное и с ними имеющее связь». «Религиозные» или «аллегорические», небеса неинтересны герою. Небо воспринимается им как одушевленное существо с «живым человеческим лицом», заинтересованный собеседник, который ведет нескончаемый разговор и подвергает анализу все поступки героя. Жизнь для него – это небо, земля и тварь в совокупности, которые «живы лишь друг другом», потому что «все *трое* – *одно*». Небо и земля имеют одинаковый цвет – лиловый: «Серая земля лиловела у горизонта и переходила в такое же лиловое небо, которое незаметно менялось к зениту, синее насквозь, – и потом опять, склоняясь к другому горизонту, мутнело, лиловело и переходило в землю. Где они делились – я не знал, да и делились ли?» [4, с. 454]. Конечно, необходимо помнить, что в рассказе Гиппиус, из которого приведены отрывки, цветовая палитра неба намного богаче, но самое важное ощущение о неразрывности земле-неба возникает у героя в тот момент, когда он видит окружающее в лиловом цвете.

Стихотворение «О небо, небо...» Мандельштама вошло в его первый знаменитый сборник стихотворений «Камень» (1913), в котором он заявил о себе как о поэте-акмеисте. Первоначально стихотворение состояло из 4-х строф, но уже в «Камне» оно предстало в виде одного четверостишия [5, с. 27]. В этом стихотворении, таком небольшом, можно обнаружить многие признаки акмеистической поэтики: отсутствие символистской иллюзорности бытия, «мистически прозреваемой сущности» [6, с.

186] (Вяч. Иванов), живописная ясность и четкость образов, жизнерадостное приятие всего земного «во всей совокупности красот и безобразий» [7] (С.Городецкий), поэтизация мощи природы. Неожиданное сравнение уходящего дня со сгоревшей белой страницей дает нам яркое представление о цветовой палитре вечеряющего неба, утрачивающего свою синеву, немного дымного и пепельного.

Бараташвили Николоз Мелитонович (1817 – 1845) – национальный гений грузинского народа, поэт-романтик, оказавший огромное влияние на развитие грузинской поэзии XIX в. Бараташвили принадлежал к старинной аристократической фамилии. Его мать была правнучкой царя Кахетии¹ Ираклия, отец – офицером кавалерии. В детстве, прыгая с лестницы, он сломал себе ногу и остался хромым на всю жизнь. Чтобы прокормить семью, поэт вынужден был работать чиновником в так называемой «Экспедиции суда и расправы», приговоренный писать и переписывать многочисленные деловые бумаги. Он прожил всего 28 лет, скончавшись от лихорадки. Его поэтическое наследие составляют 37 стихотворений и поэма «Судьба Грузии». При жизни поэта не было напечатано ни одной строчки. Осенью 1945 г. Б.Л.Пастернак к 100-летию со дня смерти Бараташвили перевел на русский язык его полное собрание сочинений.

«Поразительное» стихотворение Бараташвили «Цвет небесный, синий цвет...», написанное незадолго до смерти, было отнесено Пастернаком к числу лучших произведений грузинского поэта. Цвет неба в этом стихотворении символизирует жизнь во всех ее бесконечных и разнообразных проявлениях. Для лирического героя в синий цвет окрашены неизведанные места и любимая, мечта о прекрасном и высоком и весь земной шар, переход в иной мир и даже «жизнь после смерти».

Ключом к пониманию четырех анализируемых произведений может стать цветовая символика, которая убедительно доказывает

¹ Кахетия – историческая область в Восточной Грузии.

индивидуальность и особенность поэтического видения художников слова при осмыслении ими картины неба.

Никитин	Гиппиус	Мандельштам	Бараташвили
Небо ночное, темное – обитель всесильного и таинственного творца вселенной (религиозно-мифологическое осмысление неба)	Небо лиловое – живой собеседник и советчик героя, который чувствует неразрывную связь человека и неба (антропоморфическое осмысление неба)	Небо вечеряющее, дымное и пепельное (поэтическое восприятие неба возникает в результате аналогии уходящего дня, сравниваемого со сгоревшей страницей)	Небо синее (символическое осмысление синего цвета, ассоциирующегося с небом)

Перейдем теперь к анализу образа солнца в стихотворениях А.С. Пушкина «Зимнее утро» (1829), И.А. Бунина «Неуловимый свет разлился над землею...» (1894), А. Белого «Солнце» (1903), а также в рассказе А.С. Грина «Пропавшее солнце» (1923), посвященных образу дневного светила.

Стихотворение Пушкина, насквозь пронизанное жизнерадостным настроением, рисует чудесный морозный зимний день: ярко светит солнце на чистом голубом небе, снег сверкает и переливается, в прозрачном лесу зеленеет ель, вся покрытая искрящимся инеем, лед на замерзшей речке блестит, как зеркало. Лирический герой не одинок, он вдвоем с любимой, их отношения гармоничны и камерны. Стихотворение – выразительная зарисовка зимних будней в деревне, запечатленная гениальным пером поэта. Такое ощущение, что пушкинское «Зимнее утро» всё сияет и играет, пропитанное живительными и ласковыми солнечными лучами.

Совсем иной пейзаж предстает у Бунина – летний. Поэт изображает картину постепенного пробуждения природы после ночной спячки. Еще не взошло солнце, еще не заиграла заря, пока лишь неуловимый зелено-серебристый свет медленно разливается над спящей землей. Бунин в своем стихотворении ни разу не упоминает светило, тем не менее присутствие его вполне ощутимо. Появление солнца подготавливают зрительные образы (неуловимый

свет, кровли домов, за которыми расстилается степь, кочка у дороги, светлеет даль, зелено-серебристый свет, плывет белый пар лугов), звуковые образы (кричат перепела), образы флоры (зеленые овсы) и фауны (перепела, кобчик, покрытый росой), образы-запахи (душистый пар лугов), образы-ощущения (холодный пар лугов).

Стихотворение А. Белого «Солнце», вошедшее в первый поэтический сборник «Золото в лазури» (1904), посвящено автору сборника стихов «Будем как Солнце» К.Д. Бальмонту, восклицавшему: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце» [8, с. 125]. Основные стилевые особенности стихов и символы-образы Бальмонта, а особенно, лучезарный образ дневного светила, повторились в сборнике А. Белого: «солнечные стихи К. Бальмонта, даже его любимые слова и рифмы с ударением на третьем слоге «ослепительность, стремительность», несомненно отразились вместе с солнцем в душе Андрея Белого и запали в душу.

Солнце в «Золоте лазури» отождествляется с образом Золотого руна, за которым отправились, согласно древнегреческому мифу, Ясон и его спутники на корабле «Арго». Путешествие аргонавтов символически осмысляется А. Белым как нравственные поиски истины, духовности, красоты и гармонии мира, а движение вперед, несмотря ни на какие преграды, – как устремленность в Вечность, которая понимается как мир Добра. Солнце в стихотворении А. Белого предстает как концептуальный образ-символ «стремительности» к возвышенному и идеальному. Золотые лучи солнца очищают души людей от скверны и зла. Не случайно образ светила сопрягается в контексте стихотворения с образом огненной розы – цветком солнца, символом изящества и совершенства, которые воплощаются для А. Белого в понятии Вечной Женственности.

Цветовая палитра стихотворений А. Белого этого периода наполнена всеми оттенками золотого колорита, который означает, согласно символике цвета «аргонавтов», надежды на счастье и ожидания будущих «золотых зорь». С той же символикой цвета связан и псевдоним Бориса Бугаева – Андрей Белый. Белый цвет, в котором гармонично сочетаются все цвета, – священный для

«аргонавтов», в нем воплощены их философские искания, мистические устремления к грядущему.

Читателей всех поколений волнуют такие романтические произведения Александра Грина, как «Алые паруса», «Блестящий мир», «Бегущая по волнам». Именно в них ярче всего проявляется эстетическое своеобразие его творчества, взрывающего скучную действительность. Главным художественным открытием Грина стали его исключительные герои – бескомпромиссные и возвышенные, чистые и благородные, с жадной справедливости и добра, умеющие любить и приносить счастье людям. Они бестрепетно устремляются навстречу опасности, жадно впитывают в себя многоцветный, экзотический мир.

В рассказе «Пропавшее солнце» тоже утверждается мысль о приоритете добра над злом, о гармонии природного и человеческого, о торжестве справедливости и поражении холодной рассудочности и бездушия. Солнце в произведении А. Грина выступает не только в своей естественной ипостаси – как космическая универсалия, распространяющая свет и тепло (вспомним стихотворения А.С. Пушкина и И.А. Бунина), но как насущнейшая необходимость, обязательная для обретения всей полноты жизни. «Мистификатор и палач» Авель Хоггей заключил пари, что 14-летний Роберт Эльгрев, проведший все время в комнатах, освещаемых электричеством, увидев первый раз в своей жизни солнце, о котором он и не ведал, либо умрет, либо помешается, либо отвергнет светило и будет «проситься обратно с единственной верой в лампочку Эдисона» [9, с. 238]. Первородная взаимосвязь с «дыханием трав и земли», ощущение «спокойного, непобедимого рокота» природы помогли хилому подростку выстоять в его борьбе с утонченными злодействами развлекающихся и скучающих богачей. Сознание того, что его жестоко обманули и пропавшее солнце еще вернется, пришло к Роберту, когда он стоял на «живом, теплом теле, заснувшем в некоей твердой уверенности, недоступной никакому отчаянию... Обман открылся ему внутри» [9, с. 240-241].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что образ дневного светила во всех четырех анализируемых произведениях

различен. В стихотворениях А. Пушкина и И. Бунина солнце интересует поэтов как природная реальность, причем запечатлены разные пейзажные картины годового природного цикла. Что касается произведений А. Белого и А. Грина, то солнце привлекает художников слова, прежде всего, как символическая сущность. Если А. Белый видит в солнце средство, с помощью которого можно познать царство Духа, мир Добра и абсолютной красоты, то у А. Грина солнце – это жизненно требуемое условие существования вселенной и человека.

Проанализируем образы таких ночных светил, как луна / месяц – «Приметы» А.С. Пушкина (1829), «Как месяц молодой повис...» М.А. Кузмина (1915), «Лунная ночь» В.В. Маяковского (1916), звезды – «Среди звезд» А.А. Фета (1876), «Комета» А.А. Григорьева (1843), «Звезда полей» Н.М. Рубцова (1964), «Ночь» А.А. Вознесенского (19). Все вышеперечисленные стихотворения созданы на протяжении почти полутора столетий, они настолько разные по тематике, поэтической мысли, художественным средствам выражения. Так же непохожи и индивидуальны и личности поэтов, принадлежавших к различным литературным направлениям и течениям. Если творчество Пушкина в целом считается вершинным достижением русского реализма, то Аполлон Григорьев ощущал себя «последним романтиком», также как и Фет, тончайший лирик, певец природы и интимных человеческих чувств, сосредоточенный на выражении «чистого и свободного воздуха поэзии» [10, с. 22]. Если Кузмина традиционно относят к акмеистам, то раннего Маяковского – к кубофутуристам. И Рубцов, и Вознесенский – советские поэты, но их творчество выражает два противоположных направления в русской поэзии 60-80-х гг. XX столетия, условно названных «тихой лирикой» и «эстрадной поэзией».

Стихотворение Пушкина «Приметы» обращено к Анне Керн. «Он приехал ко мне вечером, – вспоминает она, – и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам. Живые сны
За мной вились толпой игривой,

И месяц с правой стороны
Осеребрял мой бег ретивый.
Я ехал прочь. Иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло!

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты,
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло! –
заметил смеясь: Разумеется, *с левой, потому что ехал назад!*»
[11, с. 43].

Как известно, Пушкин был суеверным человеком, убежденным, что народные приметы, которые необходимо разгадать, – это некие тайные знаки, обладающие скрытым смыслом и предостерегающие от несчастий. Суеверие Пушкина раскрыто в книге Евгения Гуслиярова «Суеверный Пушкин» [12]. В.А. Нащокина вспоминает о своем муже Павле Войновиче Нащокине и Пушкине: «У них существовало великое множество примет. Часто случалось, что, собравшись ехать по какому-нибудь неотложному делу, они приказывали отпрягать тройку, уже поданную к подъезду, и откладывали необходимую поездку из-за того только, что кто-нибудь из домашних или прислуги вручал им какую-нибудь забытую вещь, вроде носового платка, часов и т.п. В этом случае они ни шагу не делали из дома до тех пор, пока, по их мнению, не пройдет определенный срок, за пределами которого зловещая примета теряет силу» [13, с. 238].

Суеверия поэта, отразившиеся в оппозиции левого в значении отрицательного и правого в значении положительного, имеют

глубокие корни, связанные с мифологическими представлениями славян (до сих пор, например, существует примета плевать через левое плечо, отпугивая тем самым нечистую силу).

В стихотворении Кузмина «Как месяц молодой повис...» возникает образ «молодого» месяца, который, в отличие от пушкинского, разработан поэтически более богато: автор отмечает прозрачность и нежность светила, его яркость и осязаемость («Как явственно стекает вниз / Прозрачность теплыми волнами»), изменчивость («гореть, манить / И обещать, не обещая»), выразительность («Я трепетному языку / Учусь апрельскою порою»), цвет («твой золотисто-нежный рог») [14, с. 192-193].

Стихотворение В.В. Маяковского «Лунная ночь» имеет подзаголовки «Пейзаж», хотя пейзаж как таковой здесь не описывается. Поэтом фиксируется постепенное появление среди роя звезд луны, которая сравнивается с серебряной ложкой. Рождается ассоциативная цепочка: ложка – блюдо, которое едят этой ложкой, в данном случае уха, и возникает метафора уха звезд. Луна Маяковского отличается рогаликовидной формой (ложка) и подвижностью (роется ложкой), это светило своим обликом одновременно напоминает и месяц, и луну («полная» луна). Неразграничение луны и месяца в одном светиле является характерной особенностью данного образа. Таким образом, стихотворение привлекает внимание смелыми и необычными метафорическими сравнениями, совмещенностью двух денотатов в одном поэтическом образе, оригинальностью рифмы (воздухе – звезд ухе) [15, с. 148].

На примере этих трех «лунных» стихотворений можно проследить трансформацию поэтического мышления и изобразительно-выразительных средств: если у Пушкина делается акцент на мифологическое осмысление образа светила и тропические «затраты» минимальны, то поэтов-модернистов рубежа XIX-XX веков (Кузмин, Маяковский) отличает тяготение к насыщенной метафоричности при обрисовке того или иного образа, реализующейся посредством художественно-стилистических фигур.

Пушкин	Кузмин	Маяковский
--------	--------	------------

Образ месяца выражает суеверные настроения человека	Созерцание месяца приносит радость и умиление душе	Луна воспринимается как обыденный кухонный предмет, правда, пока еще «дивный».
---	--	---

Остановимся на четырех стихотворениях, посвященных образам звезд.

У Афанасия Фета явно выражена оппозиция неба и земли, светлого и темного, вечности и мгновения, множественности и одиночества, свободы и неволи. Если в раннем творчестве Фета провозглашается единение природы и человека, то теперь, в 70-е гг., поэт чувствует мучительную дисгармонию между природным и человеческим мирами. Проблема, которая всегда волновала Фета, – ограниченность человеческого бытия в пространстве и времени – нашла свое отражение и в стихотворении «Среди звезд».

В григорьевской «Комете» также наблюдается антитеза, но не между земным и небесным: звезды противопоставляются одиночке комете. Григорьевская комета, вносящая раздор и хаос в «сонм звезд», подсказана пушкинским образом «беззаконной кометы» из стихотворения «Портрет» (1828). Но если у Пушкина женщина с «пылающей душой, с ... бурными страстями» сравнивается с кометой, то у Аполлона Григорьева образ кометы наполняется более широким содержанием. В творчестве А. Григорьева также отразились пушкинские аналогии женщины-кометы (стихотворение «Над тобою мне тайная сила дана...», 1843), но в целом, можно сказать, что поэт первым в русской поэзии стал разрабатывать образ кометы, как непредсказуемой и «невзвучанной» стихии, ломающей установленный порядок. В образе кометы воплотились основополагающие черты поэтики романтизма – представления об избранности исключительного героя, его анархическом бунте против мироустройства, одиночестве и непонимании окружающими.

Символическое звучание приобретает образ звезды в стихотворении Николая Рубцова. «Звезда полей» осмысливается как родная земля, Россия. Только в отчем крае небо – самое синее, солнце – самое ласковое, только здесь, «во мгле заледенелой», звезда

«восходит ярче и полней» и «горит, не угасая» [16, с. 799]. Стихотворение буквально завораживает проникновенной искренностью, восторженным ощущением родины, одухотворенной пейзажной картиной. Поэт скупно пользуется изобразительно-выразительными средствами языка, но это не мешает ему передать нежную, преданную и неизбывную любовь к своей земле, олицетворившейся в символическом образе звезды. Не исключено, что истоком «звезды полей» Рубцова стала красная звезда, символ советской государственности.

Стихотворение Андрея Вознесенского «Ночь», состоящее всего из двух строк, поражает своей лаконичностью (в русской поэзии можно по пальцам пересчитать подобные произведения из 1-2 строк) и парадоксальным сравнением звезд с микробами в воздухе. Употребление подобного тропа стало возможным потому, что в русской поэзии XX века происходит процесс постепенной демократизации художественно-поэтических средств: стираются грани между «высокими» и «низкими» словами, поэтический язык оперирует всеми пластами лексики без исключения. Для творческого сознания Вознесенского, поэта, проникнутого духом новаторства, столь неожиданное сравнение вполне правомерно и типично для его художественной системы. Звезды, уподобляемые низшим микроорганизмам, свергнуты со своего «высокого» пьедестала, на который были возведены поэтическим сознанием XIX века.

Проследим движение поэтической мысли хронологически, рассматривая стихотворения, посвященные образам звезд, в контексте взаимоотношений человека с небесными светилами.

Григорьев	Фет	Рубцов	Вознесенский
Прославление одиночки-бунтаря через образ кометы	Надменность мира звезд по отношению к человеческому миру	В сознании лирического героя звезда полей ассоциируется с родиной	Сознание человека эпохи НТР подвергает все научному анализу, желая даже звезды рассмотреть под микроскопом

Таким образом, на примере рассмотренных выше четырех стихотворений можно проследить, как на протяжении XIX-XX веков меняется поэтическое восприятие небесных светил, что обусловлено мироощущением художников, творивших в разные эпохи.

Можно сопоставить стихотворения:

- по смысловой многозначности: и Фет, и Григорьев, и Вознесенский описывают космические тела, несмотря на то что их звезды одушевлены и им присущ в какой-то степени человеческий порядок мироустройства, но только у Рубцова звезда становится символом, приобретая многослойность и сгущенность художественного обобщения;
- по поэтическим образам: у Фета звезды противопоставлены людям, у Григорьева – размеренный и «упорядоченный» «сонм звезд» противопоставлен одиночке комете, полной раздора;
- по изобразительно-выразительным средствам: у Фета «в венцах, лучах, алмазах» звезды сравниваются с калифами, у Вознесенского – с микробами.

Итак, проанализировав стихотворные и прозаические тексты русских авторов, посвященные художественной картине неба, приходим к выводу о том, что данные произведения обоснованно отражают движение поэтической мысли на протяжении XIX-XX столетий посредством трансформации символики и изобразительно-выразительных средств поэтического языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская литература. Программа V-IX классов школ с русским языком обучения. – Алматы: Рауан, 1999.
2. Программа по русской литературе для 10-11 классов школ с русским языком обучения общественно-гуманитарного профиля. – Алматы: РИК, 2000 г.
3. *Никитин И.С.* Сочинения. – М.: Художественная литература, 1980. – 717 с.

4. *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Проза. – Л.: Художественная литература, 1991. – 672 с.
5. *Мандельштам О.Э.* Камень. – Л.: Наука, 1990. – 400 с.
6. *Иванов Вяч.* Заветы символизма // *Иванов В.И.* Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
7. *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии. // *Аполлон.* – 1913. – № 1. – С. 46-50. [Электронный ресурс]:
https://web.stanford.edu/class/slavic272/materials/declarations/gorodetsky_nekotorye1913.pdf
8. *Бальмонт К.Д.* Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. – М.: Правда, 1991. – 608 с.
9. *Грин А.* Собрание сочинений в 5 тт. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1991. – 735 с.
10. *Фет А.А.* Воспоминания / Предисл. Д. Благого; примеч. А. Тарханова. – М.: Правда, 1983. – 494 с.
11. *Керн А.* Воспоминания. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
12. *Гуляров Е.* Суеверный Пушкин. – Алматы: Жалын, 1994. – 336 с.
13. *Нащокина В.А.* Рассказы о Пушкине. // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Т. 2. – 3 изд., доп.– СПб.: Академический проект, 1998. – С. 235-245.
14. *Кузмин М.А.* Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1990. – 576 с.
15. *Маяковский В.В.* Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 1. – М.: Правда, 1978. – 432 с.
16. Советская поэзия. В 2-х тт. Т. 2 (Библиотека всемирной литературы) – М.: Художественная литература, 1977. – 91 с.

REFERENCES

1. Russkaya literatura. Programma V-IX klassov shkol s russkim yazykom obucheniya. – Almaty: Rauan, 1999.

2. Programma po russkoy literature dlya 10-11 klassov shkol s russkim yazykom obucheniya obshchestvenno-gumanitarnogo profilya. – Almaty: RIK, 2000 g.
3. *Nikitin I.S.* Sochineniya. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1980. – 717 s.
4. *Gippius Z.N.* Stikhotvoreniya. Proza. – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1991. – 672 s.
5. *Mandel'shtam O.E.* Kamen'. – L.: Nauka, 1990. – 400 s.
6. *Ivanov Vyach.* Zavety simbolizma // *Ivanov V.I.* Rodnoye i vselenskoye. – M.: Respublika, 1994. – 428 s.
7. *Gorodetskiy S.* Nekotoryye techeniya v sovremennoy russkoy poezii. // *Apollon.* – 1913. – № 1. – S. 46-50. [Elektronnyy resurs]: https://web.stanford.edu/class/slavic272/materials/declarations/gorodetskiy_nekotorye1913.pdf
8. *Bal'mont K.D.* Izbrannoye. Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i. – M.: Pravda, 1991. – 608 s.
9. *Grin A.* Sobraniye sochineniy v 5 tt. T. 3. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1991. – 735 s.
10. *Fet A.A.* Vospominaniya / Predisl. D. Blagogo; primech. A. Tarkhanova. – M.: Pravda, 1983. – 494 s.
11. *Kern A.* Vospominaniya. – M.: Pravda, 1989. – 480 s.
12. *Guslyarov Ye.* Suyevernyy Pushkin. – Almaty: Zhalyln, 1994. – 336 s.
13. *Nashchokina V.A.* Rasskazy o Pushkine. // *Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov.* V 2-kh tt. T. 2. – 3 izd., dop.– SPb.: Akademicheskii proyekt, 1998. – S. 235-245.
14. *Kuzmin M.A.* Izbrannyye proizvedeniya. – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. – 576 s.
15. *Mayakovskiy V.V.* Sobraniye sochineniy v 12-ti tt. T. 1. – M.: Pravda, 1978. – 432 s.
16. *Sovetskaya poeziya.* V 2-kh tt. T. 2 (Biblioteka vseмирnoy literatury) – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. – 91 s

ԵՐԿՆՔԻ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՈՒՄԸ ՌՈՒՑ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՉ՝ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԵՏ

Գ. Չ. ՇԱՇԿԻՆԱ

Լ.Ն. Գումիլյովի անվան Եվրասիական ազգային համալսարան
(Աստանա, Ղազախստանի Հանրապետություն)

Հոդվածում քննարկվում են Ղազախստանի Հանրապետությունում ռուսական գրականության վերաբերյալ միջնակարգ դպրոցների բնորոշ ուսումնական ծրագրերը և «նոր սերնդի» դասագրքերը: «Երկնքի գեղարվեստական ձևավորումը գրականության մեջ» թեման ուսումնասիրելիս կարևոր դեր է խաղում ուսումնական նյութերի բաշխումը, որը խթանում է ուսուցման մեջ հաղորդակցական ուղղվածությունը: Առաջարկվում է գրական տեքստերի ընտրության որոշակի հաջորդականություն, որը թույլ է տալիս հետևել բանաստեղծական մտածողության փոխակերպմանը գրական գործընթացում և հեղինակների պատկերավոր և արտահայտչական միջոցների դինամիկ ընդլայնմանը՝ ստեղծագործություններին ծանոթանալու ընթացքում:

Բանալի բառեր՝ առասպել, բանասիրություն, գեղարվեստական գրականություն, ռուսական գրականության պատմական և ժամանակագրական ուսումնասիրություն:

THE ARTISTIC REPRESENTATION OF THE SKY IN RUSSIAN LITERATURE: METHODOICAL ASPECT

G. Z. SHASHKINA

L.N. Gumilyov Eurasian National University
(Astana, Republic of Kazakhstan)

This article examines typical secondary school curricula and "new generation" textbooks on Russian literature in the Republic of Kazakhstan. When studying the topic "The Artistic Rendering of the Sky in Literature,"

an important role is played by the distribution of educational materials, which fosters a communicative focus in learning. A specific sequence is proposed for selecting literary texts, allowing students to trace the transformation of poetic thinking in the literary process and the dynamic expansion of authors' figurative and expressive means as they become familiar with the works.

Key words: *myth, folklore, fiction, historical and chronological study of Russian literature.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 29 мая 2025 г., подписана к печати в № 2.CXXI (121).2025 30.10.2025.